

ОБ ОДНОМ ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ МАТЕРИАЛОВ, КАСАЮЩИХСЯ КАЗАНСКИХ МАТЕРИАЛОВ 1904 ГОДА

Пак Н.С.
КазУМОиМЯ, Алматы, Казахстан

Title: *On one of the Unpublished Materials Related the Kazan Materials of 1904*

Author: *Pak Nelly S., KazUIR&WL, Kazakhstan*

Abstract: *In the present paper the author described one of the document discovered in the Kazan University in 2007. It deals with up to now unpublished manuscript that contains a description of the process of their preparation for publications so called Kazan Materials.*

Keywords: *unpublished manuscript, Kazan Materials, discover a document*

Данный документ был обнаружен мною в 2007 году в библиотеке Казанского университета. Речь идет о неизвестной до сих пор рукописи, в которой содержится описание процесса работы над «Русско-корейскими разговорами» (в дальнейшем «Разговоры») [1] и «Опытом краткого русско-корейского словаря» (в дальнейшем «Опыт» [2]). Названные два источника имеются в библиотечных фондах Санкт-Петербурга, Москвы и Казани. Однако обнаруженная рукопись, содержащая сам процесс работы над Казанскими материалами, не опубликована.

Напомним, что рассматриваемые материалы («Русско-корейские разговоры» и «Опыт краткого русско-корейского словаря») относятся к числу письменных источников, так называемых Казанских материалов, и изданы Православным Миссионерским Обществом в 1904 году. Первый труд включает 10 диалогов (названных здесь Разговорами): О дороге, О деревне, В деревне, О семье, Приказания и вопросы, На базаре, Закупка продовольствия, О деревне, занятой японским войском, О неприятеле, Взятие в плен, а в конце - слова и выражения к первым двум диалогам. Диалоги составлены на русском языке с параллельным переводом на корейский. Вторая работа - «Опыт краткого русско-корейского словаря».

Названные письменные источники привлекли особое внимание корееведов, начиная с 90-х прошлого века. Дело в том, что в них отражены речевые особенности диалекта юкчин языка советских корейцев – коре мар, ставшего предметом специального исследования в диссертационных работах Росса Кинга, защищенной в Гарвардском университете в 1991 году [3], Квак Чхун Гу - в Корее в 1992 году [4] и Н.С. Пак - в Казахстане в 2004 году [5]. Сами тексты стали сегодня бесценным источником информации о состоянии диалекта в прошлом веке, т.е. почти 100 лет тому назад.

Имея перед собой столь уникальный материал [6], передо мной стояла задача – выяснить, как рождались первые письменные источники на коре мар, представляющие сегодня бесценный материал для исследователей. Отметки на полях с указанием исправлений позволяют восстановить процесс работы над его созданием. На полях мы можем прочесть замечания следующего характера: (в записи от 9 февраля 1904 г.) «Союзы, предлоги и местоимения, которые остается вставить: *а, да* 2-ое значение, *но, некто, нечто, о/об, около, на, между* и т.д.»; в записи от 10 февраля указывается, что в качестве образца в распределении слов «для первоначального учебника русского языка для корейцев» может послужить составляемый список слов. Поскольку предлоги не были включены в список, то было принято решение их включения. Видимо, для семинаристов определение падежа, с которыми употребляются предлоги, представляло определенную сложность, то в записи от 11 февраля указывается: «спросить, с каким падежом соединяются перечисленные для словаря предлоги». Далее следует указание о том, что отрицания не нужно приводить в трех видах: *ани, марара, мот* + кит *му*. Далее на 54 стр., видно, что занятие велось с В.Огаем и ставились вопросы к В.Огаю и А.К.Хану. Они служили, как явствует, информантами. Из записей выясняется, что основной падеж узнается по мн. числу. 13 февраля и 16 февраля выясняется правописание слова в предложении [*муриры мора кадзигу таенъгиги*]. 17 февр. отнесены в типографию Ключникова слова на буквы АБВГ предполагаемого «Краткого русско-корейского словаря». Здесь же дано письменное указание о том, что следует выписать 2 книги через Дубровина и карту Северной Кореи. Далее следует, что при составлении географического словаря всю карту можно печатать буквами по произношению Г.Шегая. Дано

указание расположить слова в азбучном порядке согласно произношению и чтению К.Ф. Кана.

На 1 странице «Разговоров», датированной 19 марта 1904 годом, написано Н.Хану, что означало, что данный черновик адресован ему для исправления отмеченных опечаток. Здесь содержится лишь одно исправление – Рус.-кор. разговоры, где исправлена заглавная буква К на маленькую. На 2 и 3 страницах нужно убрать тире и поставить точку.

Данные пособия составлены при участии слушателей Казанской учительской семинарии: К.Ф. Кана, А.А. Хана и Н.П. Хана из Тизинхе, Г.П. Шегая из Сидими, В.В.Огая из Фаташи, А.К. Хаа из Нижнего Янчихе, приехавших на учебу из корейских поселений Российского Дальнего Востока и изданы в 1904 году. В пособиях не указаны имена лиц, составивших диалог на русском языке, поэтому можно предположить, что слушатели семинарии переводили тексты с русского языка на диалект юкчин корейского языка и поэтому в них отражены особенности названного диалекта.

Одним из составителей «Разговоров» был К.Ф.Кан - воспитанник 3 класса названной семинарии при участии его товарищей по семинарии. Звуки корейской речи записаны в «Разговорах» К.Ф. Каном «по его собственному произношению», а в основу записи звуков речи в «Опыте краткого русско-корейского словаря» положено произношение А.К. Хана из Нижнего Янчихе. При печатании словаря с 65 страницы и предисловия участие принимал Лян Моисей Павлович из села Нагорное Янчихинской области. Известно, что местность, откуда родом учащиеся семинарии, была освоена первыми переселенцами из региона Юкчин Северо-Хамгенской провинции Кореи, и они являлись носителями одноименного диалекта. Вследствие этого в записи отражены особенности речи диалекта юкчин. Следует подчеркнуть, что тексты переданы в русской транскрипции.

Однако более ценная и подробная информация о судьбах участников-составителей «Разговоров» и целях составления подобных пособий получена мною из других источников: 1. Епископ Хрисанф. К вопросу о переводах на иностранные языки. Казань, 1904//«Известия по Казанской Епархии» от 29 октября 1904.

2. Епископ Хрисанф. Еще раз к вопросу о переводах на инородческие языки. Казань, 1904//Известия по Казанской Епархии» от 7 декабря 1904 .

Хрисанф – Щетковский Христофор Петрович (1869-1906) был викарием Херсонской епархии. 12.02.1900 прибыл в Сеул заведовать миссией с псаломщиком, несколько лет провел миссионером в Корее (1899-1904).[7].

В связи с изучением самих документов по истории создания письменных источников «Казанских материалов» меня интересовал другой вопрос: Кто же были эти студенты, ставшими информантами при составлении разговорников и словарей и как они попали в Казань? В предисловии к «Разговорам» и «Опыту» сказано: «В Казанскую Инородческую Учительскую Семинарию прибыли с Дальнего Востока несколько человек корейцев для изучения корейского языка. Они узнали, что есть простой способ изучить корейский язык с помощью русского алфавита. Стали появляться печатные переводы на корейский язык в русской транскрипции». Епископ Хрисанф пишет: Когда я прочитал подобную заметку, то был удивлен, обнаружив совершенное незнание корейцами своего родного языка и его алфавита онмун, который, как считает автор, один из самых идеальных, существующих на белом свете. Изобретать для него транскрипцию с массой надстрочных и подстрочных знаков – значит без малейшей к тому нужды создавать иероглифы новой формации. Они почти не знают корейского языка и если говорят в своих семьях на родном языке, то на весьма испорченном и извращенном привнесением в него многих исковерканных русских слов. Язык Уссурийских корейцев – язык пока еще формирующийся, неустойчивый и зыбкий. Они не имеют никакого практического применения».

Из этой публикации явствует, что молодые люди, прибывшие в Казань, плохо знали родной корейский язык и говорили, по выражению Хрисанфа, «на испорченном и извращенном привнесением в него исковерканных русских слов» языке. Другой причиной столь бурного негодования было использование русского алфавита для письменной речи корейского языка. Прокомментируем данные высказывания с точки зрения сегодняшнего понимания лингвистической науки соотношения «диалект - литературный язык». Понятно, что молодые корейцы не владели литературным корейским языком и

говорили не на испорченном языке, а на диалекте. В их речи было много заимствованных русских слов, более того их речь подверглась сильной интерференции, так как они были переселенцами не первого поколения корейцев на российский Дальний Восток. А любой диалект представляет собой самостоятельную языковую систему, имеющую право на существование. Поэтому здесь речь идет о непонимании того факта, что человеку, владеющему только одной системой языка (в случае с Хрисанфом, который владел только литературным корейским), другая система показалась испорченным языком. Дело в том, что учащиеся семинарии владели языком, который сегодня мы называем языком советских корейцев – коре мар. обстоятельное исследование его показало, что он имеет существенные отличия от литературного корейского языка. Эти особенности содержатся на всех уровнях языковой структуры, а также массу заимствований из русского языка.

По поводу использования русского алфавита для изучения корейского языка корейцами. Изучение родного языка на основе кириллицы «инородцами», не имевшими собственной письменности, было, разумеется, прогрессивным явлением. Однако введение русского алфавита для изучения корейцами своего родного языка при наличии признанной сегодня одной из самых рациональных собственной графики было встречено скорее негативно.

Об этом шла переписка в «Известиях по Казанской Епархии» между Епископом Хрисанфом и директором Казанской семинарии Н.А. Бобровниковым.

Написанная статья в «Известиях по Казанской Епархии от 7 декабря 1904 г.» [8] является ответом Епископа Хрисанфа на реакцию директора Казанской семинарии Н.А. Бобровникова «по вопросу об инородческих переводах», опубликованной Хрисанфом.

В тексте Епископа Хрисанфа «К вопросу о переводах на инородческие языки» от 29 октября 1904 г. [9] автор подверг критике систему обучения инородцев в России Николая Ивановича Ильминского. Как известно, впервые русская транскрипция для инородных языков была разработана впервые Н.И. Ильминским. Хрисанф выразил в опубликованных статьях крайне негативное отношение к системе Ильминского, во-первых, в отношении использования русского алфавита вместо онмун, и

во-вторых, в отношении составления пособий для корейцев, проживающих в Уссурийском крае.

По мнению Хрисанфа, научная концепция, лежащая в основе системы Н.И. Ильминского, учителя Н.А.Бобровникова, заключается в том, что эта система вылилась, прежде всего, в форме христианской любви. Н.И. готов сделать и делал все доброе для меньшей братии, ровно как и меньшая братия делал все для того, чтобы идти навстречу той «системе», которой они уже жили и которую разумели своим сердцем. В этом сущность и секрет успеха системы Н.И. И.

Иностранческие переводы издаются на русском языке в том случае, если иностранцы не имеют своего алфавита, или имеют, но труднее, чем русский. Ни того ни другого нельзя сказать о корейцах. Онмун же не только легче русского, но и считается самым простым и совершенным из существующих алфавитов. Следовательно, если издавать переводы, то издавать их нужно непременно онмуном. Н.И. отзывался только на истинные запросы и нужды народа. Обрусение корейцев идет через школы. Вводить изучение корейского языка в русских школах среди корейцев Уссурийского края, или тем или иным способом поддерживать его – это значит не понимать законных и глубоких желаний этого народа, идти вразрез делу обрусения корейцев, навязывая им то, чего они сами не хотят. Хрисанф против появления в свет «корейских книжек», это отрицательно повлияет делу просвещения корейцев».

Несколько слов о Русской Православной Миссии в Корее, начавшая существовать в Сеуле с 1900 год, и о судьбе одного из учащихся Учительской семинарии в Казани М.Ляна. Здание для Миссионерской школы (церкви) было построено в 1900 г, в котором до 1903 г. помещалась школа (иностранцев миссионеров), которую возглавлял Епископ Хрисанф. К нему в Сеульскую миссию Н.А.Бобровников отправил в качестве псаломщика Ляна Моисея, которого Хрисанф из-за отсутствия слуха оставил учителем при Миссии. Учитель Сеульской школы М.Лян, отправляясь в августе месяце 1903 г. из Уссурийского края к месту своей службы в Сеул, взял с собой, не имея на то согласия Хрисанфа, двух учеников Янчихенской школы. По-русски оба говорили очень хорошо. Мальчиков он оставил у себя в качестве келейников. В Миссионерской школе корейцы состояли в течение 4 месяцев келейниками. После начала военных действий в Корее

все выехали из Сеула в Шанхай. В Сеульской Миссионерской школе мальчики не учились, они учились в Янчихенской школе и попали к нему, как говорит Хрисанф, по недоразумению.

И не предвидя скорой возможности возвратиться в Сеул, Хрисанф забрал их из Шанхая и предложил Ляну, что если пожелают мальчики, отправить их в Россию. Он обещал оказать им содействие поступить в русские школы при условии – по окончании курса отдать себя на служение Сеульской миссии. После того, как было получено согласие, Хрисанф устроил им поездку из Шанхая в Петербург. Поскольку поездку в Петербург устроить не удалось, он отправил их в Казань – в свой монастырь. Итак, Лян попал в Казань из Шанхая через Хрисанфа.

Однако по приезде в Казань их пути разошлись: двое мальчиков, по решению Ляна и Бобровникова, отправились в деревню, а Лян остался с Бобровниковым.

Почему возникло непонимание между Бобровниковым и Хрисанфом?

Бобровников обвинял членов Миссии в незнании и в нежелании заниматься корейским языком. Хрисанф, видимо, владел литературным корейским языком, а Бобровников – корейским языком, на котором говорили дальневосточные корейцы, которых Хрисанф называл полуграмотными корейцами. Хрисанф поставил вопрос: «Кто из нас, я или г.Бобровников, лучше знает корейский язык, - не станем спорить; во всяком случае я останусь при своем произношении и транскрипции – онмун, ибо авторитет восточного института для меня выше г.Бобровникова со всеми окружающими его полуграмотными корейцами».

Приведенный спор явно свидетельствует о том, что Хрисанф и Бобровников владели разными вариантами одного языка. Последний опирался на язык, на котором говорили корейцы российского Дальнего Востока, а первый – на литературном корейском языке, поэтому велись столь жаркие споры.

Список использованной литературы:

1. Русско-корейские разговоры. Казань, 1904.
2. Опыт краткого русско-корейского словаря. Казань, 1904.
3. King J.R.P. Russian Sources on Korean Dialects. PhD.Dissertation. Harvard University.1991.

4. 곽충구. 함경북도 육진 방언의 음운론. 서울, 1991.
5. Пак Н.С. Проблемы исчезновения миноритарных языков. Дис.докт.филол.наук. - Алматы, 2004.
6. Рукопись «Подготовки словаря к публикации». Казань, 1904.
7. Хрисанф – Щетковский Христофор Петрович (1869-1906) - викарий Херсонской епархии. 1899-1904 - миссионер в Корее. www.pravoslavie.ru
8. Епископ Хрисанф. По вопросу об инородческих переводах// Известия по Казанской Епархии от 7 декабря 1904 .
9. Епископ Хрисанф. К вопросу о переводах на инородческие языки//Известия по Казанской Епархии от 29 октября 1904 г.